

1

Буря мглою небо кроет...
А. ПУШКИН.

Рассейём Пушкинран пусланчѣ.
Хѣлле пѣр хутлѣ чѹрече
Шур илнѣ куґ пек шуралсассѣн,
Чапта сѣрса ашѣклаттарнѣ,
Шалтан пас тытнѣ алака
Усмассерен сип-сивѣ сывлѣш
Иѣсарланса пѹрте кѣрсессѣн,
Юр пуснѣ улам пѹрт синчен
Аран курѣнанакан мѣрье
Сил ачисем йѣртсе ларусѣн, —
Таста сав хѣтсѣр сивѣрен.
Сѣлпѣарантан, пѣртан-шуртан
Алмаз пек ялтѣркка, таса,
Янравлѣ юрѣ туса хуна
Аста пураннинне сисеттѣм...
Сѣм-тѣттѣм, кутсѣр-пуссѣр силлѣ,
Суран тѣманлѣ кѣссене
Султи этем аташасран
Чиркѹ хуралѣ чан сѣпатчѣ:
Чи пысѣк чан сасси салхуллѣн
Чѣтре-чѣтре силпе пѣрле
Тастах каятчѣ танлатса.
Пит йывѣр мар сѣпаты, вѣраххѣн —
Пѣрре, тепре... пѣр вуна хут...
Унтан кѣшт тѣхтаса тѣрать.
Чун сѹ! тѣва-тѣва илетчѣ.
Тем анлѣш сѹтсѣнталѣкра
Этем вѣй-халсѣр, хѣтсѣр пек,

1

Буря мглою небо кроет...
А. ПУШКИН.

...Россию Пушкин мне открыл.
Когда окно с одною рамой
Напоминало глаз бельмастый
И в дверь, обитую рогожей,
Зайндевешую в мороз, —
Чуть приоткрой ее — врывался
Клубами воздух ледяной,
А в еле видной из-под снега
Печной трубе выл ветер вьюжный,
Мне чудилось: живет на свете
Волшебник-мастер, что умеет
Из этой стужи неуютной,
Из вихрей, льда и снега делать
Слова прекрасных чистых песен,
Сверкающие, как алмаз...

В бураны непроглядной ночью,
С поземкой, с ошалелым свистом,
Чтоб путнику не заплутать,
Бил в колокол церковный сторож.
Во тьме далеко звон унылый
Летел в заснеженное поле.

Бил с передышками звонарь:
Ударит раз, другой... десятый
И ненадолго замолчит.
В тот самый миг в моей груди
Как будто что-то обрывалось,
По коже пробежал озноб,
В огромном мире человек
Казался жалким, беззащитным

Аташнă чун пек туйăнатчĕ.
 Чан ҫапнине илтсен, анне —
 Сўс арласа лараканскер —
 Хайш чух хай йекине чарсах
 Пăхса илетчĕ кантăкран,
 Хаш сывласа ҫапла калатчĕ:
 — Ах, турăҫăм! Хирти этем
 Маяклă ҫул тĕлне пулинчĕ,
 Ҫул хытгине вăл ҫухатминчĕ,
 Лаши-ҫуни пĕр ҫул тытинчĕ,
 Турти-пăявĕ татăлминчĕ...
 Сĕтел ҫинчи кĕнекере
 Шăп ҫавăн пек хаяр хĕлехчĕ.
 Кўмеллĕ ҫунапа такам
 Лашимене юр аштарса
 Пĕрмай каятчĕ. Вёҫсĕр ҫухра̃м
 Ула-чăла юпасемпе
 Юлатчĕ тăсăлса. Пĕр шухă,
 Пĕр хурлă ямшăк юррине
 Ҫын шăппăн итлесе пыратчĕ.
 Аҫта каятчĕ-ши? Мёскершĕн,
 Кёртне-юрне, ҫилне пăхмасăр,
 Вăл талпăнатчĕ малалла,
 Вăл — шăрăх Африкăн чарусăр,
 Сиксе вĕрен юнĕпелен
 Кичемлĕ ҫурҫĕрĕн пăрне
 Ирĕлтерме пултарнăскер?
 Мёнле элчел! Мёнле шăпа!
 Аҫта каять? Аҫта пулсан та,
 Эп хатĕрчĕ унпа каймашкăн:
 Ун чух—Раҫсейĕмчĕ вăл маншăн.

И неустроенным созданием.
 Мать, сидя за гудящей прялкой,
 Заслышав колокольный звон,
 Придерживала колесо,
 В окно глядела и вздыхала:
 «Ах, боже наш! Пускай никто
 Со следа не собьется нынче,
 Пусть не свернет с дороги конь,
 Пускай гужи не оборвутся...»

А в книге, на столе белевшей
 Такая же крутилась вьюга,
 В сугроб кибитка зарывалась,
 Возница заставлял коней
 Месить глубокий рыхлый снег,
 И полосатые столбы,
 Во мгле тотчас же пропадали.
 Он слушал песни ямщика,
 То грустные, то удалые,
 И, одинокий, ехал, ехал...

Куда, зачем спешил в пургу
 Ездок, сумевший растопить
 Кипучей кровью африканской
 Лед северной унылой скуки?
 Что там искал он? Что пленяло
 Воображение его? Что б ни было—
 Его удел, его судьба неотразимо
 Влекли мой отроческий ум,
 И думал тайно я в тиши:
 «Мне с ним бы в дали снеговые...»
 Он для меня был всей Россией!

Я Пушкин просто, не Мусин.
А. ПУШКИН.

Ялтан пёр ватар сухрабра.
Писне улпучё пуранатчэ.
Ятне-шивне аставаймастап,
Хушаматне те манна ёнтэ,
Мана вэл мар халь кирлэ-ха.
Анчах пёр сёр сул ёлёкрех
Писне шывне пула ят хунэ
Сав вырас ялэ, сав Писне,
Вэл пуранны-мён пяханса
Граф Мусин-Пушкина. Савна,
Сав улпут аса илетчэс
Ялйышамсем хаяр юмах пек.

Мён пулна-ха? Улпут хрещенэ
Антон Петров палхав хускатна:
Сёр ял та пулэ, — сенёк, пурта,
Чукмар е вёрлэк сёкесе, —
Улпут пасмисене хамсарна,
Сав Писнерен хыпар илтсесён.
«Антун сёр чанлахне пелет,
Манахвисне вэл хай вулана,
Сёр — хамара! Улпут-тарашшан
Тар юхтармастпяр ура́х, сите!
Сан ирёку́, сёрёслекен!»

Сапла хавхаланса сёкленне
Сынсем уес-уесёпе.
Апраксин генерал хярушшан
Пусарна сав палхавара,
Пашалса́р сынсене вэл пенё

Я Пушкин просто, не Мусин.
А. ПУШКИН.

Жил в тридцати верстах от нас
В селе Бездне какой-то барин.
Не помню имени его,
Но в этом нет большой беды.
Я слышал, что лет сто назад
Селенье русское с названьем,
По ближней речке кем-то данным,
Считалось вотчиною графа
Мусина-Пушкина. Его-то,
Как сказку страшную, поныне
Односельчане не забыли.

Случилось так, что крепостной
Антон Петров, поднял на восстание.
Селенный сто, а то и больше
Пошло за смелым вожаком.
Прослышав о безднинском бунте,
За вилы и за топоры
Взялась повсюду беднота,
«Антон, — кричали, — знает правду
О нашей воле, о земле!
Он царский манифест читал!
Земля за нами! Спину гнуть
На бар не станем больше! Хватит!
Пришла, ребята, к нам свобода!»
И ополчались на господ
Деревни, волости, уезды.

Жестоко генерал Апраксин
Мятеж крестьянский подавил.

Пин-пин салтак пашалёпе,
 Штыкпа та сәнапа чиксе,
 Лаша таканёпе таптанн.
 Виле... Аманчак... Петровне,
 Судне-пушне кётсе тамасар,
 Пур халах умёнче вёлернө.
 Вёлерессе вёлернө те,
 Тапранн халах ёмётне
 Вәл татайман: кёс Лондонра
 Сапа пусланн Герцен «Чанё»...
 Ман яләм-йышәм вуламан,
 Илтмен сав «Чан» синчен ун чух,—
 Сырусар халах пулна-ске.
 Анчах вәл сыпәран сыппа
 «Антун Петрух» синчен каласнә,
 Хёрхеннө ыра вырәса.
 «Пёр мар, атьсемёр, вырәс та.
 Улпут хресченёсем пиртен те
 Начар пурәннисем чылай:
 Йытәпала та улаштарнә
 Улпучё вёсене, картла та
 Выля-выля яни тем чухлө,
 Качча каяс чипер хөре те
 Малтан улпут хөвө хупать-мөн...
 Антун Петрух,
 сав мәшкәлә
 Тўсме пултарайман пирки,
 Кунне-сулне те хёрхенмен,
 Вәл хура халахшан пуш хунә...»
 Саплаччө пирён ял юмахө,
 Раҗсей чукмарён пёр сулмакө.

По безоружным мужикам
 Войскам он дал приказ стрелять,
 Колоть их пиками, рубить!
 Кололи, вешали, секли...
 Петров был схвачен. Без суда
 Для устрашения бунтарей
 Его на месте расстреляли.
 Свершилась казнь, но разве можно
 Засечь народную надежду?!

В туманном Лондоне гремел
 Набатный «Колокол». Европу
 О зверствах Герцен известил.
 Конечно, этот дальний звон
 Не слышали односельчане,
 То был бесписьменный народ.
 Но не забыт «Андун Петрух».
 От поколенья к поколенью
 У нас передавалась повесть
 О смелом русском человеке:
 «По-разному в России жили...
 Бездна вон... Барские крестьяне
 Погорше нас хлебнули горя!
 Менял их барин на собак,
 Проигрывал и продавал,
 Невест крестьянских он бесчестил...
 Не захотел смельчак Андун
 Сносить позор, не пожалел
 Своей удалой головы,
 Сложил её за мир крестьянский...»
 Вот шли к нам отзвуки какие
 От бурь, гремевших над Россией.

Понятна мне времен превратность
А. ПУШКИН.

Атӑлпала киле пыруҫӑн
Миҫе иртмен-ши Писнерен?
Вӑл халь — Антоновка. Хисеп
Хӑюллӑ вырӑс хресченне,
Ун ячӑ юлчӑ таврана.
Чӑваш тӗнчи тӑмке ҫапсах
Уйрӑлман ыттисенчен.
Ҫӑршыв пӑтрашнӑ, ҫӑрӑлнӑ,
«Хӗвел пӑрре те, ҫӑре — ют», —
Тесех тӑман-тӑр: Атӑл тӑрӑх
Вылянӑ мул, вӑренӑ юн,
Ҫӑлӑкӑсем ҫине — мала —
Ҫӑрланӑ кашӑксем ҫыхса
Ҫынсем бурлак пасарне утнӑ:
Яшки — хуҫан, хул вӑйӑ — санӑн,
Туртатӑн кимӑ, кӑрӑшсе...
Ҫав Писнерен инҫе те мар
Пур тетчӑс эп астӑвасса
Пӑр пӑчӑкҫеҫҫӗ вырӑс ялӑ;
Ун улпутне те асӑнатчӑс,
Вӑл пулнӑ имӑш Арӑстух,
Мӗнле-ши тӑрӑсрех — пӑлместӑп.
Паллах, ӑна эп кураймарӑм.
Анчах ман йышлӑ йӑхӑмри
Пустӑх ватсем, хивре чӑлхелӑ
Емӑртенхи лӑкӑртисем,
Кӑрекере хӑрсе ҫитсесҫен:
«Ҫав Арӑстух хӑта патне

Понятна мне времен превратность
А. ПУШКИН.

Домой по Волге возвращаясь,
Бездну я проезжал не раз.
Деревню эту в честь Петрова
Антоновкой теперь зовут.
Остался в памяти людей
Вожак крестьянский. Читит народ
Высоким тыном от соседей
Чувашский мир не отделялся.
Ходили земляки мои
По всей России необъятной.
В приволжских городах торговых
Кипели страсти; чистоган
Из всех губерний мужики
Тянулись к волжским берегам.
Они раскрашенные ложки
Несли на шапках: так виднее...
Харчи хозяйские, а сила
Твоя — валяй, тяни, бурлак!..
Неподалеку от Бездны
Есть русская деревня. Ею
Владел помещик Арыстух —
Так наши деды называли,
А как по-русски звался он,
Наверное, никто не вспомнит...
Бывало, в праздник старики,
Родни обширной патриархи,
Народ веселый, башковитый
И острословы хоть куда,

Тепре кайса ёссен пыратчѐ!» —
Тесе шўтлетчѐс хушăран.
«Мѐнле хăта? Улпут хăта-и?..»
Вара пуслатчѐс йѐркипе:
«Ара, эсир курман, пѐлместѐр,
Эпир те халь аран-аран,
Асаттесем каланипе
Асра тытатпăр ҫаксене —
Майра-ҫке пирѐн асаннемѐр!
Ару ами, кил-вут хѐртсурчѐ,
Вăл — Арăстух улпут таврашѐн
Ҫѐрѐҫлекен ҫыннисенен.
Ҫѐртен иртсе вăл пурăнчѐ,—
Тесе пуплетчѐс ваттисем,—
Йăлт манчѐ вырăс туррине,
Йăлисене те чѐлхине:
Сурпан вăл сырăна пусларѐ,
Чўклерѐ чўк хай йѐркипе,
Шыв пек пуплерѐ ҫавашла...»

Раҫсейѐм — тупмалли юмах,
Асамла, куҫ пăван хăват!
Астан тупас сан тупсамне?
Мѐнле сана анланмалла?..

Тавах майра асаннене!
Пустах ҫаваш, тѐнче ухтармаш,
Ҫитсе кѐрет те Хусана,
Вăрах тăрать-и вăл, сахал-и,
Телейлѐ-и, телейсѐр-и,—
Вăлтса илет ҫав пикене,
Ҫав Арăстух ҫыннин хѐрне,
Килет унпа ҫаваш ялне.

Любили под'хмельком шутить:
«Теперь бы к свату Арыстуху
Не худо было бы заехать,
Еще разок попить!»
Коль удивлялась молодежь,
Мол, как же так — помещик, барин
И вдруг простым крестьянам сват,
Так старики им говорили:
«Про то вам невдомек, конечно,
Да мы и сами это знаем
Со слов давно умерших дедов:
Из русских наша прапрабабка.
Мать рода нашего большого,
Хранительница очага,
Была из крепостной семьи,
Принадлежавшей Арыстуху.
Сто с лишком лет жила она,
Сурбан носила, как чувашка,
Богам чувашским поклонялась
И говорила по-чувашски
Свободно, как вода течет...»

Россия, древняя загадка!
Могучая лихая сила!
Как разгадать, понять тебя?
Спасибо бабке-россиянке!..

Чуваш, как перекасти-поле,
Носился некогда по свету.
Коль занесло его в Казань...
Как долго прожил там земляк,
Счастливо или несчастливо —
Кто знает! Но как раз в Казани

«Хусан сынни» те «хусансем»
 Тее пуслассе хайхине.
 Хушаматланн та вара въл
 Сырма тапратнă ырасла:
 Казанковсен ратти пусланнă,
 Кайран въл тулнă сур яла.
 Эп, хамар Сеспел калашле,
 «Чăваш тĕнче сыварнă чух»
 Сав ырасла хушамата
 Чăвашлатмашкăн шухăш тытрам.
 Тымарĕ, кăкĕ — киввиех...

Рассейĕн умĕнче ман парам:
 Хаçан санланĕ сав хĕрарам?

4

Дела давно минувших дней...
 А. ПУШКИН.

Мёнле-ши эсĕ, асаннемёр?
 Яту та сук, сăну та сук,
 Вилтăприне те сын пѐлмест.
 Патша династи мар сав, пѐр-пѐр
 Кăптăрмашрах улпут та мар.
 Сĕрĕслекенĕн хĕрĕ эсĕ,
 Сакланнă имĕш Хусана,
 Улпут майри умĕнче тăнă
 Хĕр-тарçă пуççан, тĕкĕр пек
 Пăхса тинкернĕ пикĕне.
 Пăрçăканлах вăр-вар эс пулнă,
 Мён хушнă — тунă сунтарса.
 Анчах чун пăчçан туйăннă,
 Въл туртăннă ирĕкелле.

Сумел он русскую пленить,
 Вернулся с ней в свое село
 И прозван был у нас Казанец.
 Пристала крепко эта кличка:
 Когда в том надобность была,
 Он и писался Казанков.
 Род Казанковых разрастался,
 И нынче нас уж полсела.
 Когда в истории впервые
 Хозяевами стали сами
 И жизни и судьбы, решил я
 Назваться на чувашский лад.
 Так Казанков стал Хузангаем...
 Перед тобой в долгу я, Русь.
 Когда и как я расплачусь?!

4

Дела давно минувших дней...
 А. ПУШКИН.

Кто скажет, русская прабабка,
 Как выглядела ты? Никто!
 Не помнят, где твоя могила,
 И даже имени не помнят...
 Да. Не дворянкой столбовою
 И не из княжеских хором —
 Была ты дочкой хлебороба
 И вместе с барыней своею
 Попала, говорят, в Казань.
 Прислуживая госпоже,
 С нее ты не спускала зора.
 Проворной, точно трясогузка,
 Была ты, и любое дело
 Горело у тебя в руках.

Кавак куҫпа, калкан ҫўҫпе
 Пёрре эс тухнӑ пахчана,
 Тёл пулнӑ ху пек мар хура,
 Кӑтра та вашават качча.
 Вӑл вырӑсла кӑшт перкелешнӗ,
 Ҫапата мар-мён уринче,
 Йӑнни пулин те — сӑран атӑ,
 Тёрленӗ-кӗпи ҫийӗн уртнӑ
 Хула пуставӗнчен ҫелетнӗ
 Пӗрмеллӗ вырӑсла сӑхман.
 Хусан хуҫи пулма мул ҫук,
 Хуҫа тарҫи пулма — пит хурлаҫ...
 Куҫ хывнӑ та сана ҫав каччӑ,
 Тӑр-тӑр чётӗресе ҫўҫеннӗ:
 Кавак куҫу, юханшыври
 Ҫавӑрӑнса тӑракан авӑр,
 Асамлӑ авӑр, тӗпсӗр авӑр
 Пулса, ӑна турта пуҫланӑ.
 «Путсан—путам, пӗтсен—пӗтем!» —
 Тесе вӑл шухӑшланӑ та
 Сӑмах хушма хӑю ҫитернӗ.
 Мён илтнӗ эс ҫав сасӑра?
 Мён курнӑ унӑн кӑмрӑк пек,
 Тӑрӑхларах куҫӗсенче? —
 Астан пӗлес ман халь ӑна!
 Пӑрахутсем те ҫўремен-тӗр,
 Пулман та пулӗ-ха вӗсем,
 Хывӑнайман-тӑр чугун ҫул та,
 Ҫапах пӗр тӗттӗм каҫ пӗр мӑшӑр —
 Чипер утпа-и, ҫуранах-и —
 Шап-шур хӑмеллӗ Хусантан

Но душно сердцу было твоему,
 На волюшку рвалось оно...
 Голубоглазая девчонка
 С ковыльной толстою косою,
 Ты как-то выбежала в сад
 И встретила там парня. Тот
 Был смуглолицый и курчавый.
 Был скромненький молодой чуваш,
 По-своему любезен, вежлив,
 Немного говорил по-русски,
 Вид городской имел: не лапти
 У парня были на ногах,
 А сапоги, пусть из дешёвых;
 Кафтан фабричного сукна
 С борами; спереди виднелась
 Расшитая его рубашка...
 Купцом заправским стать — нет денег.
 Холопом у купца — обидно...
 Взглянул на девушку чуваш
 И вздрогнул: синие глаза
 Влекли его к себе, как омут,
 Крутящийся бездонный омут.
 «Эх, утону, так утону!» —
 И он заговорить решился...
 Что в голосе его в тот день
 Тебе послышалось и что
 В глазах его продолговатых
 Блестящих, черных, точно уголь,
 Ты разглядела — мне ли знать?!
 Тогда чугунка не ходила,
 Не слышно было паровозов,

Тухса сухалнă. Туп, шыра!
 Мён туртнă-ши сав чăваша
 Хура пұртсемлĕ хай ялне?
 Мён сұхатса, вăл мён шыранă?
 Мёне шанса эс, асаннемёр,
 Хула пики пусупала
 Тасти сав кăрăм шăтăкне,
 Сём вăрманти Сиктёрмене,
 Сав киреметсёсем патне
 Пырса кёмешкĕн кăмăл тунă? —
 Астан пелес ман халь ана!
 «Пиртен вайли те пур пирте», —
 Тесе калассё чăвашсем...
 «Хёве хупсассан — хёрĕх суллах.
 Выртатър иккĕн — виçсĕн тăрăр!..»
 Илемлĕ ывăлсем, хёрсем
 Суратнă кёсĕн сын, майра,
 Ару юнне сĕнетсе янă.
 Ун сарлака хысанине
 Тёреклĕ тунă сұтсанталак,
 Ун тав курки пек кăкăрĕ
 Сул сиктерсе паха сётпе,
 Сипетлĕ сётне карăннă.
 Сёртен иртсе вăл пуранса
 Алла сывхариччен суратнă.
 Кăвак куçли, кăлкан сұçли те
 Курăнкаланă суратуçан:
 Каярахпа сурма чăваш,
 Сурма славян юнлăскерсем
 Кăшт тĕксĕмленнĕ, хăмăрланнă.
 Шултра, хёру хевтеллĕ йыш

Но все-таки однажды ночью
 Не то пешком, не то в телеге
 Поспешно пара молодая
 Прочь из Казани подалась.
 Все дальше белостенный город.
 Поди настигни беглецов!..

Что заставляло чуваша
 В избу курную возвратиться?
 Что потерял он? Что искал?
 Во что поверив, ты пошла
 За этим черноглазым парнем
 Навек из города большого
 К язычникам, прабабка наша?
 Никто об этом не узнает.
 Известно у чуваш присловье:
 «Живет в нас то, что нас сильнее...»

Сыграли свадьбу по старинке
 И молодых благословили:
 «Срок первой ночи — сорок лет...
 Вдвоем вам лечь — троим подняться!..»

Красивых дочек и сынов
 Рожала русская невестка,
 Кровь рода с нею обновилась.
 Могучие дала природа
 Ей чресла; через каждый год
 Целебным сладким молоком,
 На зависть бабам, наливались
 Большие груди молодойки.
 Она рожала в пятьдесят
 И больше века прожила!

Издалека ее детишек,

Ерчетнӗ ыра мӑшӑр пилӗ:
Сухаҫсем, сунарҫсем,
Каскалан ӑста ҫынсем,
Салтак ҫӑкри ҫиме тивсен —
Патвар, яштак кӑрнатирсем;
Шӑпӑрҫсем, юр ӑстисем —
Такам та тухнӑ йӑхӑмран...

Майра пикемӑр асаннемӑр!
Сан сиплӗ, канӑҫсӑр юну
Манра пӑр-ик тумлам ҫӑрет-ши?
Аҫтан пӗлес! — Кӑвак тӑпе пек
Кӑвак куҫу мана ҫити
Йӑлт ирӗлсе пӗтнӗ пулин те,
Юну ҫук мар-тӑр чӗрере.
Тен, ҫав хистет-тӑр кунӗн-ҫӑрӗн
Ҫула тухма, пур таврана,
Пур аслӑ ҫутҫанталӑка —
Ҫӑрти-ҫӑлти йӑлтах — пурне те
Пурӑннаҫемӗн ытларах
Курасшӑн хыпӑнса ҫунма...

Эй, ятсӑр вырӑс сар пики!
Сана чӑртме пултарасла
Чи хӑхӗм те чи ҫепӗҫ юрӑ
Юрласшӑн ӑнталатӑм ӗмӑр:
Эс те — Раҫҫейӗм, асаннемӑр!

Светлоголовых, сероглазых,—
Полуславян, получувашей,—
От прочих отличали. Все же
Они смуглели, подрастая...

Согласью этой дружной пары
Недаром удивлялись люди:
Они оставили на свете
Потомков крупных и горячих —
Охотников и землепашцев,
И плотников, и кузнецов.
Когда же наступало время
Садиться на казенный хлеб,
Шли эти парни в гренадеры...
И музыкантов, и певцов,
Всегда у нас в роду хватало!

Прабабка, русская душа!
Хоть синь очей твоих славянских
В глазах потомка не сверкает,
Но в жилах у меня, наверно,
Есть несколько горячих капель
Твоей неугомонной крови;
Они, быть может, и родили жажду,
Влекущей сердце в путь-дорогу,
Чтоб видеть с каждым днем все больше
И на земле и в небесах...

О безымянная, простая,
Давно хотел я посвятить
Тебе нежнейшую из песен,
Хотел я словом воссоздать
Черты, в сердцах еще живые:
Ты тоже для меня — Россия!

Под небом Африки моей...
А. ПУШКИН.

Пёр сәнўкерчёке пәхатәп.
Пурин те асра юлнә, пәллә,
Хай аллә саккәрмеш сүлхи
Уяр тўпеллә Ташкентра
Ўкернеччә иккен аһа.
Ҷав кунсенче кирек аста та,
Пур чөлхепе те ик сәмах
Янратчә: Ази, Африка.
Ўкерчәкәм сапла упранны:
Виҫ халәхән виҫ сывравси
Кулса тәраҫсә юнашар —
Тутар юлташәм Афзал Шамов,
Эп хам тата пёр негр ачи.
Ачах та мар та, хамәрпа
Танлаштарсан—ик хут вәл сәмрәк.
Қаҫартарах, вулас пулсассән.
Ятне те лайәх аставатәп,
Хушаматне те. Аслә, вирлә
Сәмах каларә вәл ун чух,
Аһа ура тәрса ал сүпрәс.
Эп каласси ку марччә-ха.
Тен, сых ятне, халь вәл камне
Қаламанни те юрәхлә...
Пёрне-пёри кёнекесем
Парнелесе, унпа пәртак
Сәмахламашкән тиврә манән.
Сәнне шәп савән чух ўкернә.
Эпир, тем майән, Пушкина
Аса илсе каласрәмәр.

Под небом Африки моей...
А. ПУШКИН.

Передо мною фотоснимок,
Что сделан в пятьдесят восьмом
Незабываемом году.
В Ташкенте солнечном тогда
На многих языках земли
Гремело «Африка» везде
И «Азия» звучало всюду.
На этом снимке трое: слева
Татарский мой собрат и друг,
Я справа, а посередине
Курчавый африканский парень
Из Камеруна. Пусть простит
Поэта юный камерунец,
Коль доведется прочитать
Ему вот эти строки, но
Подростком выглядит он, право,
В сравненье с нами. Не забыл
Я имени его, однако
Пока не стану называть...
Он, невысокий, точно вырос,
Когда заговорил с трибуны
И речью умной и горячей
Зал без остатка захватил.
Как гром, овация гремела,
Мы аплодировали стоя.
Но главное не в том. Друг другу
Дарили книги мы, и мне
Случилось с ним разговориться.
Вот тут и подоспел фотограф...

«Эсир телейлэ,— терё вэл,—
Ҙав негр юнлэ поэта
Хай сырнэ пек вула пелетёр,
Эп — французла кәна вуланә.
Пире вэл сывах хуранташ-ске,
Хайне хай Африка сынни тет.
Унпа саккунлан мухтанатпәр:
— Начар юнах памарәм пулэ! —
Теме сёршивәм пултарать.
Ана хайле вуласшәнах
Ман вёренесчә вырәсла.
Эсир телейлэ, раҗсейсем!...»
Ҙав негр тусәма ун чух
Парсаттам эп «Горкәри сурт» —
Пёр пёчәкҗессә кёнеке.
Тәлмач әна әнлантарсассән,
Вәл пүрнине сёклерё: «Ленин?»
Эп пуҗ сёлтейрём: «Ленин», — терём.
Сын җав ята илтсессән, уһән
Ахаль те йәлтәр-ялтәр куҗё
Прожектор пек җуталса кайрё.
Кёнекене җав тер управлән,
Асәрханса вәл сиркелерё;
Унтан, кәшт шухәша кайса,
Тепре каларё шәппән: «Ленин...»
Әнланчә пуль вәл кам пире
Ытарайми җав Пушкинән
Хёвеллэ, аслә тёнчине
Кёртме пултарнине... Раҗсейём!
Австрали, Африка е Ази —
Мёнпурё халь сана шанасҗё.

В беседе Пушкин был помянут,
И африканец мне сказал:
«Счастливец вы, доступны вам
Творенья этого поэта
На языке его родном;
Как жаль, что с ними я знаком
Лишь по французским переводам:
Ведь нам он — близкая родня,
Себя назвал он африканцем.

«Ему дал кровь я неплохую!» —
Мой континент сказать бы мог.
Прочесть его не в переводе —
Одно уж это заставляет
С годами русским овладеть...
Да, россияне, вы счастливыцы...»

Я камерунцу подарил
«Дом в Горках» — маленькую книжку.
Лишь переводчик наш умолк,
Друг поднял тонкий палец, «Ленин?»
«Так. Ленин», — отвечаю я
И вижу, как глаза у негра
Сверкнули радостным огнем.
Он бережно подарок принял,
Перелистал едва касаясь,
Страницы первые и снова
Задумчиво промолвил: «Ленин...»
Он понимал, конечно, кто нам
Открыл мир разума и солнца,
Мир светлый, пушкинский... Россия,
И желтый материк и черный —
Все смотрят на тебя с надеждой!